

Raise High The Roof Beam, Carpenters and Seymour — An Introduction

J. D. Salinger

Потолок поднимайте,
плотники. Симор.
Вводный курс

Дж. Д. Сэлинджер

Джером Дэвид Сэлинджер
Потолок поднимайте,
плотники; Симор.
Вводный курс
Серия «Rocket book (Эксмо)»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64850266

*Потолок поднимайте, плотники. Симор. Вводный курс: Эксмо; М.;
2021*

ISBN 978-5-04-118549-7

Аннотация

Повести «Потолок поднимайте, плотники» и «Симор. Вводный курс» входят в сэлинджеровский цикл о семействе Глассов и являются ключом к пониманию его «Девяти рассказов». Оба произведения посвящены фигуре Симора Гласса – старшего из семи братьев и сестер, философа и поэта, чье загадочное самоубийство взволновало не только членов его вымышленной семьи, но и реальных читателей по всему миру.

Повествование проникнуто духом дзен-буддизма и неонконформизма, и, процитировав мудрого Бо Лэ из даосской сказки, которую ночью читают братья Гласс своей десятимесячной сестре, можно описать творчество

самого Сэлинджера: «Постигая сущность, он забывает несущественные черты; прозревая внутренние достоинства, он теряет представление о внешнем. Он умеет видеть то, что нужно видеть, и не замечать ненужного. Он смотрит туда, куда следует смотреть, и пренебрегает тем, на что смотреть не стоит».

Содержание

Потолок поднимайте, плотники	6
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Джером Дэвид Сэлинджер

Потолок поднимайте, плотники. Симор.

Вводный курс

Моей матери

*Если остался еще на свете читатель-любитель
– или вообще такой, кто просто читает и бежит, –
я прошу его или ее с невыразимой нежностью и
благодарностью разделить посвящение этой книги
на четверых – с моей женой и детьми.*

RAISE HIGH THE ROOF BEAM, CARPENTERS
and SEYMOUR – AN INTRODUCTION by J.D. Salinger.
Copyright © 1955, 1959 BY J.D. Salinger,
RENEWED 1983, 1987 by J.D. Salinger

Russian language rights arranged with the J.D. Salinger
Literary Trust through the Andrew Nurnberg Literary Agency,
Moscow, Russia.

© Немцов М., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Изда-
тельство «Эксмо», 2021

Потолок поднимайте, плотники

Однажды ночью, лет двадцать назад, когда нашу огромную семью взяла в осаду свинка, мою самую младшую сестренку Фрэнни вместе с колыбелькой и прочим переселили в комнату, по всей видимости лишенную микробов: в ней я проживал со старшим братом Симором. Мне тогда исполнилось пятнадцать, Симору – семнадцать. Часа в два меня разбудил плач нашей новой соседки. Несколько минут я полежал бездвижно, не вмешиваясь, послушал рев, пока до меня не донеслось – по крайней мере, так ощутилось, – что на соседней кровати зашевелился Симор. В те дни мы на тумбочке между кроватями держали фонарик – на крайний случай, который, насколько мне помнится, никогда не выпадал. Симор этот фонарик зажег и выбрался из постели.

– Мама говорила, бутылочка на плите, – сообщил я.

– Я ей давал недавно, – ответил Симор. – Она не голодная.

В темноте он дошел до шкафа и поводил лучом взад-вперед по стопкам книг. Я сел на кровати.

– Что будешь делать?

– Думал, может, ей что почитать, – ответил Симор и взял книгу.

– Да ей же десять месяцев, елки-палки, – сказал я.

– Я знаю, – ответил Симор. – У них есть уши. Слышать они умеют.

Историю, которую Симор читал той ночью Фрэнни при свете фонарика, он очень любил – то была даосская история. До сего дня Фрэнни клянется, что помнит, как Симор читал ей:

Князь Цзиньский Му¹ сказал Бо Ло:

– Года твои преклонны. Есть ли у тебя такие сородичи, которым я могу доверить поиск лошадей?

Бо Ло ответил:

– Хорошего коня можно выбрать по общей стати и виду. Но превосходный конь – тот, что не подымает пыли и не оставляет следов, – есть нечто эфемерное и мимолетное, он ускользает, как воздух. Таланты же моих сыновей вообще залегают на плане пониже: сыновья мои способны по виду опознать хорошего коня, но не сумеют опознать превосходного. Однако есть у меня друг, некто Цзю-фан Гао, торговец топливом и овощами, кой в том, что касается лошадей, ничем не уступит мне. Прошу тебя, повидайся с ним.

Князь Му так и сделал, после чего отправил торговца на поиски скакуна. Три месяца спустя тот вернулся с известием, что скакуна отыскал.

– В Шацю, – добавил он.

– Что за конь? – спросил князь.

– О, мышастая кобыла, – был ответ. Однако за ней ко-

---

¹ Вероятно, имеется в виду князь китайской династии Цзинь Му-хоу (Фо-ван) (811–785).

го-то послали, и оказалась она вороным жеребцом! В большом раздражении князь послал за Бо Ло.

— Этот твой друг, — сказал он, — которому я поручил искать коня, все перепутал. Да он не способен даже определить пол и окрас животного! Что вообще он может знать о лошадях?

Бо Ло удовлетворенно вздохнул.

— Неужто он ушел уже так далеко? — вскричал он. — Ах, тогда он равен десяти тысячам таких, как я. Никакого сравнения меж нами. Гао зрит духовное устройство. А удостоверившись в сути, забывает обыденные подробности; сосредоточившись на внутренних свойствах, упускает из виду внешнее. Он видит то, что хочет видеть, а не то, чего видеть не хочет. Он созерцает то, что должен, и пренебрегает тем, на что смотреть не нужно. Гао — столь умный ценитель лошадей, что способен оценить нечто превыше лошади.

Когда коня доставили, он и впрямь оказался превосходным животным.

Я привел здесь эту историю не просто потому, что изо всех сил непременно советую родителям или старшим братьям десятимесячных малышей хорошую прозу вместо соски, — вовсе не поэтому. Ниже следует рассказ о дне свадьбы в 1942 году. Рассказ, по моему мнению, самодостаточный, у него есть начало и конец, а также смертность человеческая —

все в нем свое. Однако, сдаётся мне, я должен отметить, поскольку сим фактом располагаю, что жениха сегодня, в 1955 году, уже нет среди живых. Он покончил с собой в 1948-м, когда проводил с женой отпуск во Флориде... Хотя, несомненно, клоню я вот к чему: после окончательного ухода жениха со сцены мне так и не удалось припомнить такого человека, кого хотелось бы отправить на поиски лошадей вместо него.

В конце мая 1942 года потомство – числом семеро – Леса и Бесси (Гэллахер) Гласс, ушедших на покой артистов варьете сети «Пантажис»², разлетелось, как гласит нелепое выражение, по всем Соединённым Штатам. Я, к примеру, по старшинству второй, лежал в гарнизонном лазарете Форт-Беннинга³, Джорджия, с плевритом – небольшим сувениром, доставшимся мне после тринадцатинедельной пехотной муштры. Двойняшки Уолт и Уэйкер расстались целым годом ранее. Уэйкер находился в лагере отказников в Мэриленде, а Уолт где-то на Тихом океане – либо на пути туда – со своей частью легкой артиллерии. (Мы никогда не знали наверняка, где Уолт в тот или иной миг пребывает. Переписка ему нико-

---

² «Пантажис» – сеть театров-варьете в США и Канаде, основанная в первые годы XX в. американским артистом мюзик-холла, продюсером и импресарио Александром Пантажисом (Перикл Пантажис, 1867–1936).

³ Форт-Беннинг («Дом пехоты») – военная база в штате Джорджия, пехотная школа Сухопутных войск США; основана в 1918 г. и названа в честь бригадного генерала Генри Беннинга.

гда не давалась, и после его смерти до нас дошло очень мало информации о нем, почти никакой. В конце осени 1945 года он погиб в Японии от невыразимо нелепого несчастного случая, какие бывают в армии.) Тяпа, старшая из моих сестер, которая хронологически идет между двойняшками и мной, служила энсином в «Волнах»⁴ и время от времени бывала по службе на военно-морской базе в Бруклине. Всю весну и лето она занимала в Нью-Йорке ту квартирку, которую мы с моим братом Симором, считайте, почти забросили после призыва. Двое младших в семье – Зуи (мальчик) и Фрэнни (девочка) – жили с родителями в Лос-Анджелесе, где отец по заказу киностудии спекулировал талантами. Зуи сравнялось тринадцать, Фрэнни – восемь. Оба каждую неделю выступали в детской радиовикторине, называвшейся – с пикантной иронией, вероятно типичной как на одном побережье, так и на другом, – «Что за мудрое дитя». Периодически, как, возможно, мне следует здесь упомянуть, – точнее, в тот или иной год, – все дети в нашей семье еженедельно выступали наемными «гостями» программы «Что за мудрое дитя». Мы с Симором по-явились там первыми еще в 1927-м, в во-

---

⁴ «Волны» (WAVES, Women in the Navy) – «Женщины на флоте» (официально «Женщины на добровольной чрезвычайной службе»), организация, созданная в 1942 г. как добровольная вспомогательная служба Военно-морских сил. Во время войны члены организации имели такой же статус, как военнослужащие-мужчины, однако по закону, действовавшему до 1944 г., могли нести службу только в континентальной части страны, а также на Аляске и Гавайях. Большая часть членов этой организации служили на военных кораблях. В 1948 г. организация стала частью ВМС США.

семь и десять лет соответственно: программа тогда «выпускалась» из одного зала для собраний старого отеля «Мёрри-Хилл». Всемером мы все, от Симора до Фрэнни, выступали под псевдонимами. Что может показаться несколько аномальным, если учитывать, что породили нас артисты варьете – секта, обычно не чуряющаяся публичности, – но мама однажды прочла в журнале статью о тех крестиках, которые приходится тащить детям-профессионалам, – об их отчуждении от нормального, предположительно желанного общества, – и по этому поводу стояла на своем железно, ни разу, ни единожды не отступив. (Сейчас отнюдь не время дискутировать, следует ли большинство или даже всех детей-«профессионалов» объявлять вне закона, жалеть или без лишних угрызений казнить как нарушителей спокойствия. В данный момент я сообщу только, что наш совокупный доход от программы «Что за мудрое дитя» позволил шестерым нам закончить колледж, а седьмая сейчас в процессе.)

Самый старший наш брат Симор – почти исключительно о нем я и веду нынче речь – служил капралом в тех частях, что в 1942 году еще назывались «Авиационным корпусом»⁵. Расквартирован Симор был на базе «Б-17» в Калифорнии, где, как я *предполагаю*, трудился ротным писарем. Можно добавить, причем не вполне в скобках, что в семье он безусловно был самым неплодовитым корреспондентом. Пожа-

---

⁵ «Авиационным корпусом армии США» ВВС США назывались с 1926 по 1941 г.

луй, за всю жизнь у меня и пяти писем от него не наберется.

Утром, либо 22-го, либо 23 мая (письма в нашей семье никто никогда не датировал), в ногах моей койки Форт-Беннингского лазарета оказалось письмо от сестры моей Тяпы; мою диафрагму в тот миг обматывали клейкой лентой (обычная медицинская процедура для больных плевритом, предположительно гарантирует, что пациент не развалится от кашля на куски). Когда пытка завершилась, я прочел письмо. Оно сохранилось у меня до сих пор и ниже приведено дословно:

Дорогой Другок,

*я ужасно тороплюсь паковать вещи, поэтому письмо короткое, но **по делу**. Адмирал Задощип решил, что в целях помощи фронту должен слетать в неведомые дали, и придумал взять с собой секретаршу, если я буду паинькой. Меня от такого просто с души воротит. Ладно Симор – там будут бараки из гофры на промерзлых авиабазах, мальчишеский кадрез наших воинов и эти кошмарные бумажные штуки в самолетах, куда тошнят. Но штука в том, что Симор женится – да, **женится**, так что не отвлекайся, пожалуйста. Я там быть не смогу. Из-за этой поездки отсутствовать я буду сколько угодно – от полутора месяцев до двух. Девицу я видела. По-моему, она полный ноль, но выглядит потрясно. На самом деле я не знаю, ноль она или нет. В смысле, за весь тот вечер, когда мы познакомились,*

она едва произнесла два слова. Только сидела, улыбалась и курила, поэтому так говорить нечестно. Про их роман я совсем ничего не знаю, кроме того, что встретились они, явно когда Симора зимой отправили в Монмут⁶. Мамаша – конец всему, затычка во всякой художественной бочке, дважды в неделю видится с хорошим юнгианцем (дважды за вечер спрашивала меня, ходила ли я когда-нибудь к аналитику). Сказала, что ей просто очень хочется, чтобы Симор **соотносился** с большей массой людей. И тут же, не переводя дух: она его просто обожает, хотя и т. д. и т. п., и слушала его истово все те годы, что он выходил в эфир. Большие я ничего не знаю – только ты **обязан** приехать на свадьбу. Я тебя ни за что не прощу, если не выберешься. Я не шучу. Мама и папа сюда с Побережья не доедут. Во-первых, у Фрэнни корь. Кстати, ты ее слышал на прошлой неделе? Она изумительно долго распространялась о том, как в четыре года летала по всей квартире, когда дома никого не было. Новый диктор хуже Гранта – если такое возможно, даже хуже Салливана в старину. Сказал, что наверняка она просто **грезила**, будто может летать. Мальшика же стояла на своем, просто ангел. Сказала, что **уверена** – она умела летать, потому что, когда приземлялась, у нее на пальцах всегда была пыль от лампочек. Очень хочется ее увидеть. Тебя тоже. В общем, ты **обязательно** должен быть на свадьбе. Уйди в

---

⁶ Форт-Монмут – американская военная база в округе Монмут, Нью-Джерси, основана в 1917 г.

самоволку, если надо, но прошу тебя – **поезжай**. В три часа 4 июня. Все **очень** нецерковно и Эмансипированно, в доме ее бабушки на 63-й. Их женит какой-то судья. Номера дома не знаю, но он ровно через пару дверей от того места, где раньше в роскоши проживали Карл и Эми. Я отобью телеграмму Уолту, но мне кажется, его уже отправили. **Прошу** тебя, Дружок, поезжай. Симор весит примерно как котенок, и на лице у него такой экстаз, что с ним даже не поговоришь. Может, все сложится, но 1942 год я ненавижу. Наверное, буду ненавидеть его до самой смерти просто из принципа. Люблю и до встречи, когда вернусь.

Тяпа

Через пару дней после письма меня выписали из лазарета на, так сказать, попечение примерно ярдов трех клейкой ленты, которыми мне обмотали грудную клетку. Затем началась крайне усердная недельная кампания по добыче увольнительной на посещение свадьбы. Мне в конце концов удалось ее добиться прилежным подхалимажем перед командиром моей роты – по его собственному признанию, человеком начитанным: его любимым автором, по счастью, был и мой любимый автор, Л. Мэннинг Вайнз. Или Хайндз. Несмотря на эту духовную меж нами связь, мне удалось выклянчить лишь три дня отпуска, который в лучшем случае позволил бы мне только доехать поездом до Нью-Йорка, посмотреть церемонию, заглотить, не жуя, где-нибудь ужин и мокрому, как мышь, вернуться в Джорджию.

Все общие вагоны в 1942 году проветривались, насколько я помню, лишь номинально, в них изобиловала военная полиция и пахло апельсиновым соком, молоком и ржаным виски. Ночь напролет я кашлял, читая выпуск комиксов «Ас»⁷, который мне кто-то любезно одолжил. Когда поезд прибыл в Нью-Йорк – в десять минут третьего в день свадьбы, – я уже весь изошел на кашель, в общем и целом вымотался, взмок, помялся, а клейкая лента моя чесалась адски. В самом Нью-Йорке стояла неопишуемая жара. У меня не было времени сперва заскочить к себе на квартиру, поэтому багаж, состоявший из довольно унылой холщовой сумки на молнии, я оставил в стальной ячейке на Пенсильванском вокзале. К вящему моему раздражению, пока я бегал по Швейному кварталу в поисках пустого такси, второй лейтенант Сигнального корпуса⁸, которого я, очевидно, проглядел и не отдал ему честь, переходя Седьмую авеню, вдруг вытащил авторучку и записал мою фамилию, личный номер и адрес части – на виду у любопытствующей кучки гражданских.

Наконец, уже совсем ослабнув, я забрался в такси. Водителю объяснил, куда ехать, чтобы он доставил меня как минимум к старому дому «Карла и Эми». Но как только мы заехали в тот квартал, задача крайне упростилась. Двигайся,

---

⁷ Комиксы «Ас» – книжная серия комиксов, публиковавшаяся издательством Дэвида Маккея в 1937–1949 гг. В числе персонажей были Блондинка, кот Феликс, Призрак, Одинокый Объездчик, Принц Доблестный и др.

⁸ Сигнальный корпус – войска связи США.

куда все. Там даже установили холщовый навес. Мгновение спустя я уже входил в огромный старый особняк из бурого песчаника, и меня встречала очень симпатичная женщина с лавандовыми волосами, которая осведомилась, со стороны жениха я или со стороны невесты. Я ответил, что жениха.

– О, – сказала она, – ну, мы просто сгребаем всех в кучу. – Довольно несдержанно рассмеялась и проводила меня до самого, кажется, последнего свободного складного стула в крайне переполненной громадной зале. За тринадцать лет в памяти моей образовался провал касаясь общих физических деталей залы. Помимо того, что она была набита битком и в ней стояла удушающая жара, помню только две вещи: почти прямо у меня за спиной играл орган, и женщина непосредственно справа от меня повернулась и рьяным театральным шепотом произнесла:

– Я Хелен Силзбёрн!

Из местоположения наших стульев я заключил, что это не матушка невесты, но, чтобы уж наверняка, улыбнулся, общительно кивнул и уже собрался было сказать, кто я, но она поднесла благопристойный пальчик к губам, и мы оба устремили взоры вперед. Было что-то около трех. Я закрыл глаза и стал ждать – с легкой опаской, – когда органист доиграет сопроводительную музыку и приступит к «Лоэнгрину»⁹.

Не имею четкого представления, как прошли следующие

---

⁹ Имеется в виду свадебный марш из III акта музыкальной драмы немецкого композитора и дирижера *Рихарда Вагнера* (1813–1883) «Лоэнгрин» (1848).

час с четвертью, если не считать того факта, что к «Лоэн-грину» никто не приступил. Помню довольно рассредоточенную стайку незнакомых лиц, которые украдкой то и дело оборачивались поглядеть, кто же это кашляет. И помню, как женщина справа обратилась ко мне еще раз – тем же довольно праздничным шепотом.

– Наверняка что-то задерживается, – сказала она. – Вы судью Рэнкера видели вообще? У него лицо как у *святого*.

И помню, органная музыка на странный манер, едва ли не отчаянно в какой-то миг металась от Баха к ранним Роджерсу и Харту¹⁰. Хотя в целом, боюсь, я проводил время, посиживая у собственного больничного одра и сочувствуя тому, как вынужден давить в себе кашель. Все время, пока я там сидел, меня не покидал тягучий мандраж: вот у меня сейчас откроется кровотечение или, на худой конец, треснет ребро, несмотря на корсет из клейкой ленты.

В двадцать минут пятого – или, если взглянуть на вещи прямее, через час двадцать после того, как все разумные надежды улетучились, – незамужняя невеста, опустив голову, с родителями по бокам, была выведена из здания и хрупко сопровождена по длинному лестничному маршу к тротуару. После чего ее поместили – едва ли, кажется, не затолкали –

---

¹⁰ Композитор *Ричард Роджерс* (1902–1979) и поэт *Лоренц Харт* (1895–1943) – один из самых знаменитых творческих союзов в американской популярной культуре, авторы более 30 мюзиклов.

в первый же зализанный черный наемный автомобиль, что вторым рядом дожидался у обочины. То был до крайности наглядный миг – в самый раз для бульварной прессы – и, как все подобные бульварные мгновенья, дополнялся полным комплектом зевак, поскольку свадебные гости (и я в их числе) уже вываливали из здания – весьма пристойно, однако встревоженными, не сказать – пучеглазыми роями. Если у зрелища имелся хоть сколько-нибудь смягчающий аспект, за него несла ответственность сама погода. Июньское солнце так жарило и сияло, возводило такой барьер фотовспышек, что образ невесты, пока она едва ль не изможденно ковыляла по ступенькам, скорее смазывался там, где кляксы были уместнее всего.

Едва машина невесты удалилась с места действия по крайней мере физически, напряжение на тротуаре – особенно возле жерла полотняного навеса, на обочине, где ошивался, например, я, – выродилось в то смятение, которое, будь здание церковью, а день воскресеньем¹¹, можно было бы принять за вполне обычное рассредоточение паствы. Затем очень как-то вдруг с нажимом разнеслось – вроде бы от невестиного дяди Эла, – что гостям надо *воспользоваться* машинами у обочины; то есть все равно, будет банкет, не будет банкета, поменялись планы или не поменялись. Если воз-

---

¹¹ На самом деле 4 июня 1942 г. был четверг. В этот день началась битва за о. Мидуэй – одно из важнейших сражений Второй мировой войны на Тихом океане, закончившееся уничтожением большей части японского флота.

можно судить по реакции тех, кто меня окружал, предложение, в общем, восприняли как некий beau geste¹². Однако не само собой разумелось, что «воспользоваться» машинами следовало лишь после того, как потребные транспортные средства разберет, дабы тоже покинуть место действия, солидный с виду отряд, определяемый как «ближайшие родственники» невесты. И после отчасти загадочного промедления, смахивавшего на затор (я при этом оставался на странный манер пригвожден к месту), «ближайшие родственники» действительно начали свой исход – аж по шесть-семь человек на машину, либо всего по трое-четверо. Число это, насколько я понимал, зависело от возраста, манер и ширины бедер первого, кто занимал место.

Ни с того ни с сего после чьего-то прощального предложения – отчетливого приказа – я понял, что стою на самой обочине непосредственно в жерле полотняного навеса и помогаю людям садиться в машины.

Каким образом я оказался выделен для несения этого наряда, заслуживает не очень глубоких умопостроений. Насколько мне известно, неопределенный активист средних лет, избравший меня для наряда, и отдаленнейшего понятия не имел, что я – брат жениха. Следовательно, представляется логичным, что выбрали меня по иным, куда менее поэтичным причинам. На дворе 1942 год. Мне двадцать три, и я только что призван в армию. Сдается, сам возраст мой, об-

---

¹² Красивый жест (*фр.*).

мундирование и безошибочно исправная тускло-оливковая аура, витавшая надо мной, не оставляли сомнений в том, кому здесь работать швейцаром.

Мне было не только двадцать три года – года мои являлись приметную задержку в развитии. Помню, я сажал людей в машины совершенно неквалифицированно. Напротив, занимался я этим с неким хитроумным курсантским подобием целеустремленности либо преданности долгу. Всего через несколько минут я осознал, что обслуживаю нужды преимущественно старшего, более низкорослого и мясистого поколения, и мои обязанности рукоподавателя и двереотрывальщика приняли еще более липово властный оттенок. Я начал вести себя как крайне проворный, целиком и полностью располагающий к себе молоденький гигант с кашлем.

Но дневная жара, если выразиться очень мягко, угнетала, а вознаграждение за мою службу, надо полагать, выглядело все более символическим. Хотя толпа «ближайших родственников» вроде бы почти не поредела, я внезапно сам ринулся в какой-то недозагруженный автомобиль, как только он стал отъезжать от обочины. При этом я крайне звучно (видать, в наказание) треснулся головой о крышу. Среди пассажиров оказалась не кто иная, как моя знакомая шепталка Хелен Силзбёрн – и она тут же кинулась мне безусловно сочувствовать. Удар, очевидно, прозвучал на весь салон. Но в двадцать три года я относился к той разновидности юношества, коя на всякое увечье, нанесенное их персонам, исклю-

чая разве что проломленный череп, реагирует гулким хохотом явно недоразвитых.

Машина тронулась на запад – прямо, так сказать, в открытую духовку заката. И двигалась на запад два квартала, пока не достигла Мэдисон-авеню, где резко свернула вправо. Мне мстилось, что всех нас от кошмарной жаровой трубы солнца спасают лишь невообразимая сметка и умения нашего безымянного водителя.

Первые четыре или пять кварталов к северу по Мэдисон беседа в машине главным образом сводилась к замечаниям вроде «Я вас не стесняю?» и «Первый раз в *жизни* такая жара». Той, с кем такая жара приключилась впервые в жизни, была замужняя подружка невесты – это я выяснил, отчасти подслушивая на тротуаре. Дюжая девка лет двадцати четырех-пяти в розовом атласном платье, с ободком искусственных незабудок на голове. От нее отчетливо несло атлетикой, словно годом-двумя ранее в колледже она специализировалась по физвоспитанию. На коленях она держала букет гардений – точно сдувшийся волейбольный мяч. Сидела она сзади, бедром к бедру со своим мужем и крохотным старичком в цилиндре и визитке, державшим незажженную гаванскую сигару из настоящего кубинского табака. Мы с миссис Силзбёрн – колени наши попарно и целомудренно соприкасались – занимали откидные сиденья. Дважды, безо всяких оправданий с моей стороны, из чистого одобрения я бросал через плечо взгляды на крохотного старичка. Когда я осу-

ществовал погрузку в машины и открывал ему дверцу, меня посетил мимолетный соблазн физически взять его на руки и нежно сунуть в салон прямо сквозь открытое окно. Он был воплощенной крохотностью, наверняка не больше четырех футов и девяти-десяти дюймов росточком, причем не карлик и не лилипут. В машине он сидел, очень мрачно вперившись взглядом куда-то вперед. На второй раз я заметил на лацкане его визитки, похоже, старое пятно от подливки. Кроме того, я обратил внимание, что шелковый его цилиндр на добрых четыре-пять дюймов не достает до потолка салона... Однако по большей части те первые несколько минут в машине меня главным образом заботило состояние моего здоровья. Помимо плеврита и ушибленной головы, у меня, ипохондрика, развилось представление, что начинается острый фарингит. Я сидел и исподтишка выгибал язык, ощупывая якобы пораженную область. Смотрел я, насколько мне помнится, прямо перед собой, в затылок шоферу, являвший собой рельефную карту шрамов от нарывов, и тут моя приятельница по откидному сиденью обратилась ко мне:

– Мне внутри не удалось у вас спросить. Как ваша милая матушка? Вы же Дики Бриганца?

Язык мой при этом вопросе был пытливо загнут назад – до самого мягкого нёба. Я расправил отросток, сглотнул и повернулся к ней. Ей было лет пятьдесят или около того, одета модно и со вкусом. Густо наштукатуренная. Я ответил, что нет, отнюдь.

Она чуточку на меня сощурилась и ответила, что я – вылитый мальчик Силии Бриганцы. В районе губ. Лицом своим я постарался изъяснить, что совершить такую ошибку немудрено. И продолжал пялиться в затылок шоферу. В машине все стихло. Я глянул в окно, чтобы как-то разнообразить вид.

– Как вам нравится армия? – спросила миссис Силзбёрн. Вдруг решила поддержать беседу.

В этот конкретный миг на меня напал кашель. Когда приступ миновал, я со всем возможным рвением повернулся к ней и сказал, что завел там много приятелей. Разворачиваться было трудно – из-за опалубки клейкой ленты, что охватывала мою диафрагму.

Она кивнула.

– Мне кажется, все вы просто изумительны, – сказала она несколько двусмысленно. – Вы друг невесты или жениха? – затем спросила она, мягко переходя к сути.

– Ну, вообще-то я не совсем друг...

– Только не вздумайте сказать, что вы друг *жениха*, – перебила меня подружка невесты с заднего сиденья. – Ну окажись он у меня в руках хотя б *минуты на две*. Только *две минуты*, и все.

Миссис Силзбёрн быстро – но целиком – обернулась, дабы улыбнуться оратору. Затем снова села лицом вперед. Мы с ней описали круг почти одновременно. Если учесть, что миссис Силзбёрн оборачивалась лишь на миг, улыбка, коей она одарила подружку невесты, была просто откидным

шедевром. Достаточно яркая, выражала неограниченную горячую поддержку всей молодежи на свете, но особенно – сей горячей и искренней посланнице одного возрастного среза, вероятно, представленной миссис Силзбёрн чуть ли не мимоходом, если представленной вообще.

– Кровожадная девица, – хмыкнул мужской голос. И мы с миссис Силзбёрн повернулись опять. То заговорил муж подруги невесты. Сидел он прямо за мной, слева от супруги. Мы кратко обменялись тем пустым нетоварищеским взглядом, которым в разгульном 1942 году обменивались, пожалуй, лишь офицеры с рядовыми. Первый лейтенант Сигнального корпуса, он носил очень интересную летную фуражку – с козырьком, но без проволочного каркаса в тулье, что владельцу такого убора обычно придает определенный бестрепетный вид, к которому он, надо полагать, и стремится. В его же случае фуражка подобного результата отнюдь не добивалась. Похоже, она служила лишь одной цели – делать так, чтобы в сравнении с ней мой собственный огромный уставной убор выглядел скорее клоунским колпаком, который нервно извлекли из мусоросжигателя. Лицо у лейтенанта было землистое и где-то в глубине казалось испуганным. Потел он с почти неопишуемой чрезмерностью – лоб, верхняя губа, даже кончик носа – до того, что хотелось дать ему соляную таблетку. – Я женат на самой кровожадной девице в шести округах, – сказал он миссис Силзбёрн и еще раз мягко, на публику, хмыкнул. С машинальным почтением к его званию я

чуть было не подхмыкнул ему – коротко, бессмысленно, как чужак и призывник, что ясно обозначало бы, что я с ним и всеми остальными в машине заодно, а не против кого-то.

– Я не *шучу*, – произнесла подружка невесты. – Две минуты – и все, братец. Ох вот бы взять да этими *ручками* моими...

– Ладно, не заводись, а? Полегче, – сказал ее муж, очевидно располагавший неисчерпаемым запасом супружеского добродушия. – Полегче. Дольше продержишься.

Миссис Силзбёрн снова обернулась к заднему сиденью и оделила подружку невесты только что не канонизированной улыбкой.

– А кого-нибудь с его половины на свадьбе видели? – мягко осведомилась она, лишь чуточку подчеркнув – совершенно благовоспитанно, не более того – личное местоимение.

Ответ подружки невесты раздался с ядовитой громкостью:

– *Нет*. Все на Западном *побережье* или еще где. *Попались* бы они мне.

Вновь прозвучал хмычок ее мужа.

– И что б ты сделала, милая? – спросил он – и машинально мне подмигнул.

– Ну, я не *знаю*, но что-нибудь бы *сделала*, – ответила подружка невесты. Хмычок слева от нее набрал децибелов. – Точно бы сделала! – стояла на своем она. – Сказала бы им *что-нибудь*. То есть. Господи. – Говорила она все самоуве-

реннее, будто понимая, что с подсказкой от мужа мы все в пределах слышимости полагаем ее чувство справедливости, сколь бы юношеским или непрактичным оно ни было, в какой-то степени симпатично прямолинейным, отважным. — Я не знаю, *что* я бы им сказала. Может, пролепетала бы какую-нибудь глупость. Но господи боже *мой*. Честно! Тут абсолютное убийство кому-то с рук сходит, а я такого не перевариваю. У меня аж кровь закипает. — Живость свою она придержала ровно настолько, чтобы ее подстегнул взгляд напускного сопереживания от миссис Силзбёрн. Мы с этой последней теперь свержхучтиво развернулись на своих откидных сиденьях полностью. — Я не *шучу*, — сказала подружка невесты. — Нельзя мчаться по жизни *тараном* и делать людям больно, если заблагорассудится.

— Боюсь, я очень мало знаю об этом юноше, — тихо сказала миссис Силзбёрн. — Я с ним даже не встречалась. Я впервые услышала, что Мюриэл вообще обручена...

— С ним *никто* не встречался, — довольно пылко произнесла подружка невесты. — Даже я с ним не знакома. У нас было две репетиции, и оба раза вместо него приходилось стоять бедному папе Мюриэл, а все потому, что его дурацкий самолет не мог взлететь. Он должен был сюда примчаться вечером в прошлый вторник на каком-то дурацком военном самолете, но в этом Колорадо, или Аризоне, или где там, шел *снег* или еще какая дрянь, и прилетел он только в час *ночи* *вчера*. И *сразу* — в этот безумный час — звонит Мюриэл по

телефону откуда-то аж с *Лонг-Айленда* или еще откуда-то и просит встретиться с ним в вестибюле какого-то кошмарного отеля, чтобы только *поговорить*. – Подружка невесты красноречиво содрогнулась. – Но вы же знаете Мюриэл. Она ж такая милашка, ею помыкает кто угодно и родня их в придачу. Это меня и бесит. Таким людям в конце всегда больно... В общем, она одевается, ловит такси и потом сидит с этим типом в каком-то кошмарном вестибюле, разговаривает до без четверти *пять* утра. – Подружка невесты разжала хватку на букете гардений лишь для того, чтобы приподнять два стиснутых кулака. – *Ууу*, я просто в бешенстве! – сказала она.

– Какого отеля? – спросил я подружку невесты. – Вы не знаете? – Я постарался это сказать легко, будто бы отец мой случайно занимается гостиницами и я выказываю некий вполне объяснимый сыновний интерес к тому, где в Нью-Йорке останавливаются люди. На самом же деле вопрос мой не означал почти ничего. Я просто размышлял вслух – более-менее. Мне стало любопытно: мой брат попросил свою нареченную о встрече в гостиничном вестибюле, а не у себя в свободной квартире. Нравственность подобного приглашения была совершенно для него типична, но все равно как-то странно.

– *Откуда* я знаю, какого? – огрызнулась подружка невесты. – Просто какого-то. – Она воззрилась на меня. – А что? – спросила она. – Вы его друг?

Нечто во взгляде ее отчетливо внушало робость. Казалось, он исходит от толпы в одну женщину, которую лишь случай и время разлучили с вязаньем и превосходным видом на гильотину¹³. Толпы – любые – меня устрашали всю жизнь.

– Мы вместе росли, – ответил я почти неразборчиво.

– Повезло же!

– Ладно тебе, – сказал ее муж.

– Ох *прости* меня, – сказала подружка невесты – ему, но обращаясь к нам всем. – Но тебя с ней не было, когда бедняжка целый час на слезы исходила. Это не смешно, и ты этого не забывай. Я слыхала, что женихи в последний момент трусят и все такое. Но так не поступают в *последний миг*. В смысле, не делают так, чтобы до полусмерти смутить множество совершенно милых людей и едва не сломить девочке дух и все такое! Если он *передумал*, почему не написать ей и хотя бы не расторгнуть все воспитанно, ради всего святого? Пока не поздно.

– Ладно, не заводись, только не заводись, – сказал ее муж. Хмычок его все еще витал в воздухе, но звучал уже как-то напряженно.

– Но я же не шучу! Написал бы да просто сказал ей, как *мужчина*, чтоб не было такой трагедии, а? – Она вдруг впирилась в меня. – Вы, случайно, не в курсе, где он сейчас мо-

---

¹³ Имеются в виду «вязальщицы» – женщины, которых в период якобинского террора (1793–1794) нанимали для соблюдения буквы судопроизводства при публичном вынесении смертных приговоров; обычно сидели около гильотины и вязали.

жет быть? – спросила она со сталью в голосе. – Вы же друзья *детства*, значит, должны как-то...

– Я приехал в Нью-Йорк всего два часа назад, – занервничал я. Не только подружка невесты, но и ее муж и миссис Силзбёрн теперь на меня пялились. – Мне даже телефон еще не попадался. – В тот миг, насколько мне помнится, меня опять придушил кашель. Достаточно подлинный, но должен сказать, я очень мало старался подавить его или сократить приступ.

– Вашим кашлем кто-нибудь занимался, боец? – спросил меня лейтенант, когда кашель прекратился.

Тут меня одолел новый приступ – странное дело, но тоже неподдельный. Я по-прежнему сидел, как бы на четверть обернувшись вправо, всем корпусом по ходу движения – вполне хватало, чтобы кашлять с гигиенической пристойностью.

Хаос, конечно, – однако здесь, я полагаю, следует вклинить один абзац и ответить на пару трудных вопросов. Перво-наперво: почему я не вылез из машины? Если не брать во внимание прочие попутные соображения, лимузин должен был доставить пассажиров к многоквартирному дому родителей невесты. Нисколько сведений – ни из первых, ни из вторых рук, – что я мог бы получить от оглоушенной и по-прежнему незамужней невесты или от ее расстроенных (и, весьма вероятно, расвирепевших) родителей, никак не ком-

пенсировали неловкости моего присутствия в их квартире. Зачем же я тогда продолжал сидеть в машине? Почему не вышел, скажем, на светофоре? И, что еще непонятнее, зачем вообще я в нее сел?.. Мне кажется, на эти вопросы имеет-ся как минимум дюжина ответов, и все они, сколь бы ни были невняты, вполне резонны. Однако, сдается мне, без них можно запросто обойтись и просто повторить, что год был 1942-й, мне двадцать три, я только что призван, меня только что научили, что полезнее не отбиваться от стада, – а пре-выше прочего мне одиноко. Я так прикидываю, тут просто засакакиваешь в набитую машину и в ней сидишь.

Возвращаясь к сюжету, помню, что когда все трое – подружка невесты, ее муж и миссис Силзбёрн – совокупно гла-зели на меня, наблюдая, как я кашляю, я бросил взгляд на крохотного старичка на заднем сиденье. Тот по-прежнему неотрывно пялился вперед. Я едва ль не с благодарностью отметил, что ноги его не вполне достают до пола. Мне они помстились старинными и дорогими друзьями.

– А чем вообще этот человек *занят*? – спросила подружка невесты, когда я вынырнул из второго приступа кашля.

– Вы имеете в виду Симора? – переспросил я. По ее то-ну поначалу казалось, что в виду она имеет как раз нечто особо позорное. И тут вдруг до меня дошло – чистая интуи-ция, – что она очень запросто может втайне владеть разнооб-разнейшими биографическими данными о Симоре: то есть

низменными, прискорбно драматичными и (по моему мнению) в сущности обманчивыми данными. Что он, к примеру, лет шесть своего детства был Билли Блэком, национальной радио-«звездой». Или, еще раз к примеру, что первокурсником Коламбии он стал в пятнадцать лет.

– Да, *Симора*, – ответила подружка невесты. – Чем он занимался до армии?

И вновь меня осияло вспышкой интуиции: она знает о нем гораздо больше, нежели почему-то намерена выдавать. Для начала казалось, будто ей прекрасно известно, что до призыва Симор преподавал английский – то есть был учителем. *Профессором*. Какой-то миг – пока то есть я глядел на нее – мне очень неуютно представлялось: она может знать даже, что я его брат. Останавливаться на такой мысли не хотелось. Вместо этого я уклончиво посмотрел ей в глаза и ответил:

– Делал людям педикюр. – И затем рывком развернулся и выглянул в свое окно. Уже несколько минут машина стояла, и я только что осознал, что в отдалении бьют военные барабаны, – гром их доносился от Лексингтон или Третьей авеню.

– Это парад! – сказала миссис Силзбёрн. Она тоже развернулась.

Мы стояли где-то в Верхних Восьмидесятых. Посреди Мэдисон-авеню воздвигся полицейский – он тормозил все движение на север или юг. Насколько мне было видно, он его просто *так* тормозил – то есть не перенаправлял ни на запад,

ни на восток. Три-четыре машины и автобус нацеливались ехать к югу, но только нашей случилось направляться прочь от центра. Сразу же на углу и в той части северного переуллка к Пятой авеню, что была мне видна, люди стояли в два-три ряда на обочине и тротуаре, очевидно, дожидаясь воинских частей, медсестер, бойскаутов, или что еще там должно было пройти от места сбора на Лексингтон или Третьей.

— Ох *господи*. Я так почему-то и думала, — сказала подружка невесты.

Я обернулся и едва не стукнулся с нею головой. Она подалась вперед, чуть ли не заполнив все пространство между нами с миссис Силзбёрн. И та к ней повернулась — отзывчиво, но несколько страдальчески.

— Мы здесь можем *неделю* простоять, — сказала подружка невесты, вытянув шею к ветровому стеклу и глядя мимо водителя. — Я *уже* должна быть там. Я обещала Мюриэл и ее матери, что сяду в одну из первых машин и дома у них буду *минут через пять*. О боже! Тут что, нельзя хоть *как-то*?

— Я тоже должна там быть, — довольно проворно подхватила миссис Силзбёрн.

— Да, но я ей *поклялась*. В квартиру набьется толпа всевозможных полоумных тетушек, дядюшек и совершенно посторонних людей, а я сказала, что буду караулить с *десятью* примерно штыками, чтоб она немного побыла в одиночестве, и... — Она смолкла. — Ох господи. Кошмар.

Миссис Силзбёрн кратко и ненатурально хохотнула.

– Боюсь, одна из полоумных тетушек – это я, – сказала она. Замечание явно ее оскорбило.

Подружка невесты посмотрела на нее.

– Ой. Извините. Я не имела вас в виду, – сказала она. Затем откинулась на спинку. – Я просто хотела сказать, что квартирка у нее такая крошечная, и если все повалят дюжинами... Вы же понимаете.

Миссис Силзбёрн ничего не ответила, а я на нее не посмотрел и не знаю, насколько сильно задела ее подружки-на фраза. Но помню, что, на причудливый манер, покаянный тон подружки невесты за этот маленький ляп про «полоумных тетушек и дядюшек» произвел на меня впечатление. Прощения она попросила честно, только не смущенно и, что еще лучше, не подобострастно, и на миг мне показалось, будто, невзирая на все ее театральное негодование и показную твердость, что-то от штыка в ней и *впрямь* есть – а подобным нельзя не восхититься. (Соглашусь, быстро и с готовностью: тогдашнее мнение мое обладает крайне ограниченной ценностью. Часто меня несколько чрезмерно влечет к тем, кто не перебарщивает с извинениями.) Однако вот в чем штука: именно в тот момент на меня накатила мелкая волна предубеждения против сбежавшего жениха – едва заметный барашек, не одобрявший его необъясненной самоволки.

– Давайте посмотрим, нельзя ли тут как-то пошевелиться, – сказал муж подружки невесты. То был, пожалуй, голос

человека, не теряющего самообладания под огнем. Я почувствовал, как у меня за спиной он выдвигается на позицию, после чего голова его вдруг просунулась в узкую щель между нами с миссис Силзбёрн. – Водитель, – категорически произнес он и подождал ответа. Когда же ответ проворно поступил, голос лейтенанта стал человечнее, мягче: – Как вы думаете, надолго мы тут завязли?

Шофер обернулся.

– Кто ж его знает, старина, – ответил он. И вновь обратился лицом вперед. Его увлекло то, что происходило на перекрестке. Минутой раньше на расчищенную и запретную проезжую часть выскочил маленький мальчик с полусдувшимся красным шариком. Его только что изловил и отволол на тротуар отец, едва ли не кулаком вlepивший мальчику меж лопаток две затрещины. Сие действие вызвало у толпы праведное негодование.

– Вы *видели*, как этот мужчина обошелся с *мальшиом*? – спросила всех вокруг миссис Силзбёрн. Ей никто не ответил.

– А если спросить у полицейского, сколько нам тут еще стоять? – осведомился у шофера подружкин муж. Он по-прежнему не откинулся назад. Очевидно, лаконичный ответ на первый вопрос его удовлетворил не вполне. – Мы, видите ли, отчасти спешим. Нельзя ли спросить у него, сколько нам тут еще стоять?

Не оборачиваясь, водитель грубо пожал плечами. Но за-

жигание выключил и вышел из лимузина, хлопнув за собой тяжелой дверцей. На вид шофер был неопрятен, быковат и ливрею свою носил не полностью – черный саржевый костюм, но без фуражки.

Медленно и очень независимо, не сказать – дерзко, он сделал несколько шагов к перекрестку, где распоряжался регулировщик. Эти двое стояли и беседовали нескончаемо долго. (У меня за спиной застонала подружка невесты.) После чего оба громогласно захохотали – будто все это время во все не беседовали, а рассказывали друг другу очень короткие пошлые анекдоты. Затем наш шофер, по-прежнему незаразительно хохоча, братски махнул полицейскому рукой и пошел – медленно – обратно к машине. Сел, захлопнул дверцу, извлек из пачки на приборной доске сигарету, заткнул ее за ухо, а затем – и только затем – повернулся к нам с докладом:

– Не знает он. Надо ждать, пока парад не пройдет. – И безразлично оглядел всех нас в совокупности. – А потом нормально можно ехать. – Снова отвернулся, извлек из-за уха сигарету и закурил.

Подружка невесты на заднем сиденье обильно вознесла недлинный плач разочарования и досады. Затем наступила тишина. Впервые за несколько минут я обернулся на крохотного старичка с нетлеющей сигарой. Похоже, задержка его ничуть не беспокоила. Его манера поведения при размещении на задних сиденьях автомобилей – в движении ли, в неподвижности, и даже, так и подмывало вообразить, в ма-

шинах, пикирующих с мостов в реки, — представлялась заданной раз и навсегда. Проста она была до изумления. Сидеть следовало очень прямо, храня зазор в четыре-пять дюймов между цилиндром и потолком, и яростно таращиться вперед сквозь ветровое стекло. Если бы Смерть — которая где-то есть постоянно, может, на капоте сидит, — так вот, если бы Смерть вдруг чудесным образом шагнула сквозь стекло и потянулась за вами, по всей вероятности, вы бы встали и отправились с ней — в ярости, но спокойно. И, вполне возможно, сигару бы с собой прихватили, будь та настоящей «гаваной».

— Что же нам делать? Просто *сидеть*? — осведомилась подружка невесты. — Мне так жарко, что хоть помирай. — Мы с миссис Силзбёрн обернулись как раз вовремя, чтобы заметить, как она впервые за все время в машине посмотрела прямо на мужа. — Ты не можешь крошечку подвинуться? Меня здесь так сдавило, что дышать невозможно.

Хмыкнув, лейтенант выразительно развел руками.

— Да я уже и так почти на крыле сижу, зайчик, — ответил он.

После чего подружка невесты со смесью любопытства и неодобрения перевела взгляд на своего соседа по другую руку, который, словно бы бессознательно решив потешать меня и дальше, занимал гораздо больше места, нежели ему было необходимо. Между его правым бедром и основанием внешнего подлокотника оставалось еще добрых два дюйма. По-

дружка невесты, без сомнения, тоже это заметила, однако, невзирая на всю свою сталь, не вполне обладала качествами, необходимыми для того, чтобы заговорить с такой внушительной на вид маленькой личностью. Она снова повернулась к мужу.

– Дотянешься до сигарет? – раздраженно спросила она. – Мы так здесь упакованы, что мне свои не достать. – На слове «упакованы» она опять повернула голову и стрельнула кратким многозначительным взглядом в крохотного виновника, занявшего то место, кое она полагала по праву своим. Тот возвышенно до нее не снизошел. Продолжал пялиться прямо вперед, сквозь ветровое стекло. Подружка невесты посмотрела на миссис Силзбёрн и выразительно воздела брови. Та ответила ей гримасой понимания и сочувствия. Тем временем лейтенант, переместив вес на левую, иначе – ближнюю к окну ягодицу, из правого кармана светлых офицерских брюк достал пачку сигарет и книжку спичек. Жена его выбрала сигарету и дождалась огня, последовавшего незамедлительно. Мы с миссис Силзбёрн наблюдали за прикуриванием так, точно в нем присутствовала умеренно чарующая новизна.

– О, прошу *прощения*, – вдруг произнес лейтенант и протянул пачку миссис Силзбёрн.

– Нет, спасибо. Я не курю, – быстро ответила та чуть ли не печально.

– Боец? – сказал лейтенант, протягивая пачку мне после незаметнейшего из колебаний. По всей правде, мне понра-

вилось, что он мне предложил, ибо то была крохотная победа обычной вежливости над кастовыми различиями, но от сигареты я отказался.

– Можно посмотреть ваши спички? – спросила миссис Силзбёрн крайне застенчиво, почти по-девчачьи.

– Эти? – уточнил лейтенант. И с готовностью вручил миссис Силзбёрн книжку.

Пока я увлеченно наблюдал, миссис Силзбёрн осмотрела спички. На верхнем клапане золотыми буквами на алом фоне было отпечатано: «Эти спички стибрены из дома Боба и Эди Бёрвик».

– *Мило*, – покачала головой миссис Силзбёрн. – Очень, очень мило. – Я же своим выражением пытался продемонстрировать, что надпись без очков, наверное, и не разберу: я нейтрально прищурился. Миссис Силзбёрн, похоже, не хотелось отдавать спички хозяину. Когда же все-таки вернула и лейтенант сунул картонку в нагрудный карман, миссис Силзбёрн сказала: – Мне кажется, я такого раньше не видела. – Почти совсем развернувшись на откидном сиденье, она теперь довольно-таки влюбленно взирала на карман лейтенанта.

– Мы в прошлом году целую кучу таких сделали, – сказал лейтенант. – Вообще-то поразительно, как это бережет спички.

Подружка невесты повернулась к нему – точнее, на него напрыгнула.

– Мы не для *этого* их заказывали, – сказала она. Посмотрела на миссис Силзбёрн: мол, знаете же этих мужчин, – и сказала ей: – Не знаю. Я просто подумала, что это пикантно. Банально, но все равно как-то пикантно. Ну, понимаете.

– Это мило. По-моему, я никогда раньше...

– Вообще-то это не оригинально, никак. Сейчас у всех такие, – сказала подружка невесты. – Мысль мне подали мама и папа Мюриэл. У них такие вечно по всему дому. – Она сделала глубокую затяжку и, продолжая говорить, выпускала дым маленькими силлабическими клубами. – *Вот ей-богу*, они такие потрясающие люди. Такое меня просто *убивает*. В смысле, ну почему так не бывает с вонючками, а только с приятными людьми? Я вот чего не понимаю. – Она посмотрела на миссис Силзбёрн, ожидая ответа.

Та улыбнулась – одновременно умудренно, изнуренно и загадочно: явила улыбку, насколько я помню, эдакой откидной Моны Лизы.

– Я часто задавалась этим вопросом, – раздумчиво вымолвила она. После чего довольно двусмысленно заметила: – Мама Мюриэл – младшая сестра моего покойного мужа, знаете ли.

– Ой! – с интересом произнесла подружка невесты. – Ну тогда *вы понимаете*. – Она вытянула необычайно длинную левую руку и смахнула пепел с сигареты в пепельницу под окном с мужниной стороны. – Я честно думаю – на свете мало найдется таких по-настоящему блистательных людей. В

смысле, она же, наверное, прочла чуть ли не все, что на свете напечатали. Господи, да если б мне прочесть хоть одну десятую того, что читала и *забыла* эта женщина, я бы счастлива была. В смысле, она же *преподавала*, работала в газете, она сама себе придумывает наряды, сама все по *дому* делает. А готовит – как никто на *свете*. Вот ей-богу! Я честно думаю, она самый изуми...

– Она одобрила этот брак? – перебила ее миссис Силзбёрн. – То есть я почему спрашиваю – последнее время я почти не выезжала из Детройта. Скоропостижно скончалась моя невестка, и я...

– Она слишком милая – нипочем не скажет, – категорически заявила подружка невесты. Покачала головой. – В смысле, она слишком... понимаете... *тактичная* и все такое. – Она задумалась. – Вообще-то я только сегодня утром услышала, чтобы она как-то на эту тему фыркала. И только потому, что сильно расстроилась из-за бедненькой Мюриэл. – Она вытянула руку и снова стряхнула пепел.

– А что она сегодня сказала? – живо поинтересовалась миссис Силзбёрн.

Подружка невесты вроде бы мгновенье поразмыслила.

– Да ничего такого, в общем, – ответила она. – В смысле, ничего мелочного или какого-то оскорбительного, ничего. Только что этот Симор, по ее мнению, тайный гомосексуалист и, по сути, боится жениться. В смысле, она не гадко это сказала, никак. Просто вот сказала – понимаете – интел-

лигентно. В смысле, она уже много лет на психоанализ ходит. – Подружка невесты взглянула на миссис Силзбёрн. – Это ж не *секрет*. То есть миссис Феддер вам сама так скажет, поэтому тут совсем никакая не тайна.

– Это я знаю, – быстро сказала миссис Силзбёрн. – Она – последний человек на...

– В смысле, штука в том, – сказала по-дружка невесты, – что она не из тех, кто выйдет и прямо выложит что-нибудь такое, если не знает, о чем говорит. И она *вообще* никогда, никогда бы этого не сказала, если б бедную Мюриэл так не – вы понимаете – так не опустошило и прочее. – Она мрачно покачала головой. – Вот ей-богу, видели бы вы эту бедняжечку.

Здесь, без сомнения, я должен вклиниться, дабы описать свою общую реакцию на изложенное подружкой невесты. Хотя я бы все же оставил это на потом, если читатель меня простит.

– Что еще она сказала? – спросила миссис Силзбёрн. – В смысле – Реа. Сказала еще что-нибудь?

Я не смотрел на нее – я не мог оторвать глаз от подружкиного лица, – но у меня сложилось мимолетное дикое впечатление, что миссис Силзбёрн только что не залезает оратору в рот.

– Нет. Вообще-то. Больше почти что и ничего. – Подружка невесты задумчиво покачала головой. – В смысле, я же говорю, она бы *вообще* ничего не сказала – там же вокруг

всякие люди стояли, – если бы бедняжка Мюриэл так не расстроилась до умопомешательства. – Она опять стряхнула пепел. – Ну вот только одно и сказала, что этот Симор – настоящая шизоидная личность, и если к нему по-настоящему присмотреться под нужным углом, то для Мюриэл и лучше, что все оно так вышло. *По-моему*, смысл в этом есть, я вот только насчет Мюриэл не уверена. Он ее так *заморочил*, что она сама не своя. А я от этого просто...

Тут ее перебили. Я перебил. Насколько я помню, голос мой дрожал, как неизменно бывает, если я сугубо расстроен.

– А что подвело миссис Феддер к заключению, будто Симор – латентный гомосексуалист и шизоид?

Все взоры – мне показалось, все прожекторы, подружки невесты, миссис Силзбёрн, даже лейтенанта, – вдруг нацелились на меня.

– Что? – переспросила подружка невесты – вздорно, отчасти даже с вызовом. И вновь у меня промелькнула раздражающая мысль: она знает, что я брат Симора.

– Почему миссис Феддер думает, будто Симор – латентный гомосексуалист и шизоид?

Подружка невесты вперилась в меня взглядом, затем красноречиво фыркнула. Повернулась и с максимумом иронии возвала к миссис Силзбёрн:

– А как считаете, *нормально* откалывать такие коленца? – Она вздымала брови и подождала. – Как вы считаете? – повторила она тихо-тихо. – Честно скажите. Я просто спрашиваю.

Ради вот этого господина.

Ответ миссис Силзбёрн был самой кротостью, самой справедливостью.

– Нет, по-моему, определенно нет, – сказала она.

У меня возник внезапный и неистовый порыв выскочить из машины и рвануть оттуда бегом – все равно куда. Однако, насколько мне помнится, когда подружка невесты вновь обратилась ко мне, я оставался на откидном сиденье.

– Слушайте, – произнесла она с нарочитым терпением в голосе: так учитель разговаривал бы с дитём, не только умственно отсталым, но и с некрасивой каплей под носом. – Я не знаю, насколько вы понимаете в людях. Но какой мужчина в здравом уме всю ночь перед предполагаемой свадьбой не дает суженой глаз сомкнуть – лепечет, что он слишком *счастлив*, чтобы жениться, поэтому свадьбу ей придется *отложить*, пока он не почувствует себя *крепче*, а иначе он не сможет прийти на свадьбу? А *потом*, когда суженая ему, как *ребенку*, объясняет, что все уже уговорено и спланировано за много месяцев, и отец ее невозможно много всяких сил и средств потратил, чтобы у них был банкет и прочее, и родня ее съезжается со всей *страны*, – и *когда* она ему все это объяснит, он отвечает, что ему ужасно жалко, но он не может жениться, пока ему не станет меньше *счастливо*, – или мелет еще какую-то белиберду! Вы головой своей подумайте, а? Если не возражаете. Это, по-вашему, *нормально*? Так может сказать человек в здравом уме? – Голос у нее едва не

срывался на визг. – Или его следует упрятать в психушку? – Она посмотрела на меня очень сурово и, поскольку я тут же не кинулся обороняться или извиняться, грузно откинулась на спинку и сказала мужу: – Дай мне, пожалуйста, еще сигарету. Эта мне уже пальцы жжет. – Она передала ему тлеющий окурок, чтобы загасил. После чего лейтенант опять вытащил пачку. – Зажги ты, – сказала она. – У меня сил нет.

Миссис Силзбёрн прокашлялась.

– Мне кажется, – сказала она, – что нет худа без добра, если все так...

– Я вас спрашиваю, – с новым нажимом обратилась к ней подружка невесты, одновременно беря у супруга затлевшую сигарету. – Это, по-вашему, нормальный человек – нормальный *мужчина*? Или так будет лепетать какой-нибудь вечный *младенец* либо просто какой-нибудь абсолютно безумный маньяк совершенно чокнутого сорта?

– Батюшки. Ну вот что тут еще скажешь? Мне кажется, нет худа без добра, и всякая...

Подружка невесты неожиданно подалась вперед – начеку, выдувая дым из ноздрей.

– Это-то ладно, оставим на минутку – мне это без разницы, – сказала она. Обращалась подружка невесты к миссис Силзбёрн, хотя на самом деле, так сказать, в лице моей соседки говорила со мной. – Видели в кино *** ***? – спросила она.

Упомянутое ею имя было профессиональным псевдони-

мом тогда сравнительно широко известной – а теперь, в 1955 году, и вовсе знаменитой – поющей актрисы.

– Да, – быстро и заинтересованно ответила миссис Силзбёрн и умолкла в ожидании.

Подружка невесты кивнула.

– Хорошо, – сказала она. – Вы никогда не замечали ненароком, как она улыбается – кривовато эдак? Как бы только одной стороной лица? Это хорошо заметно, если...

– Да, да, замечала! – ответила миссис Силзбёрн.

Подружка невесты сделала затяжку и глянула – едва заметно – на меня.

– Так вот, это у нее какой-то частичный *паралич*, – сказала она, выдыхая на каждом слове облачко дыма. – И знаете, отчего? Этот *нормальный* тип Симор, судя по всему, ее ударил, и ей на лицо накладывали девять швов. – Она перегнулась через мужа (вероятно, за неимением сценарной ремарки получше) и опять стряхнула пепел.

– Могу я спросить, откуда вы это знаете? – сказал я. Губы мои, два дурня, слегка подрагивали.

– Можете, – ответила она, глядя не на меня, а на миссис Силзбёрн. – Так вышло, что мама Мюриэл об этом обмолвилась часа два назад, пока Мюриэл вся на слезы исходила. – Она посмотрела на меня. – Я ответила на ваш вопрос? – Она вдруг переложила букет гардений из правой руки в левую. Относительно банальный признак нервозности – ничего похожего я все это время за ней не замечал. – И, кстати, к ва-

шему сведению, — продолжила она, глядя уже на меня, — я думаю, вы знаете кто? Я думаю, вы брат этого Симора. — Она подождала — очень недолго — и, когда я ничего на это не сказал: — Вы *похожи* на него с этой идиотской фотографии, и я, так уж вышло, знаю, что вы должны были приехать на свадьбу. Мюриэл сказала его сестра или еще кто. — Взор ее по-прежнему упирался прямо мне в лицо. — Это правда? — в лоб спросила она.

Должно быть, когда я ответил, прозвучало это несколько заемно.

— Да, — сказал я. Лицо мое пылало. Хотя с какой-то стороны мне теперь было далеко не так раздерганно, как раньше, когда я только сошел с поезда.

— Я так и *знала*, — сказала подружка невесты. — Я же, знаете, не *дура*. Я вас узнала, как только вы сели в машину. — Она повернулась к мужу. — Я же сказала, что это его брат, как только он сел в машину? Правда?

Лейтенант чуть поерзал на месте.

— Ну, сказала, что он, вероятно... да, сказала, — ответил он. — Сказала. Да.

На миссис Силзбёрн можно было не смотреть — я и так чувствовал, с каким вниманием она впитывает этот последний поворот событий. Я мимолетно глянул за нее — украдкой на пятого пассажира, крохотного старичка: проверить, не пробило ли ему изоляцию. Не пробило. Никогда меня так не утешало ничье безразличие.

Подружка невесты вновь пошла на приступ.

– К вашему сведению, я также знаю, что ваш брат никакого педикюра никому не делал. И не пытайтесь тут острить. Я вообще-то знаю, что он где-то *полвека* был Билли Блэком в «Мудром дитяти».

Тут миссис Силзбёрн вмешалась в беседу активнее.

– В радиопрограмме? – уточнила она, и я поймал ее взгляд, заново исполненный обостренного интереса.

Подружка невесты не удостоила ее ответом.

– А *вы* кем были? – спросила она. – *Джорджи* Блэком? – В ее голосе интересно мешались грубость и любопытство – еще чуть-чуть, и это бы обезоружило.

– Джорджи Блэком был мой брат Уолт, – ответил я только на второй вопрос.

Она повернулась к миссис Силзбёрн:

– Тут, наверно, *тайна* какая-то, но этот человек с его братом *Симором* участвовали в знаменитой радиопрограмме под липовыми именами или как-то. Дети *Блэк*.

– Только не заводишь, милая, полегче, – отчасти нервно предложил лейтенант.

Жена повернулась к нему.

– Я *буду* заводится, – сказала она, и меня, вопреки всем моим осознанным позывам, вновь кольнуло нечто похожее на восхищение этим металлом в ней – пусть даже и чугуном наглости. – Брат его – он же вроде такой разумный, господи ты боже мой, – сказала она. – В колледж лет в *четырнадцать*

пошел или около того, и все прочее. Если то, как он сегодня поступил с бедняжкой, – разумно, то я – Махатма Ганди! Мне все равно. Меня тошнит просто!

И тут мне стало как-то дополнительно не по себе. Кто-то пристально разглядывал левую – более слабую – половину моего лица. То была миссис Силзбёрн. Когда я резко к ней повернулся, она слегка вздрогнула.

– Если позволите, не вы ли были Дружком Блэком? – спросила она, и от некоей почтительной нотки в ее голосе мне на долю мгновенья почудилось, что сейчас она вручит мне авторучку и сафьяновый альбомчик для автографов. От мимолетной этой мысли мне сделалось отчетливо нехорошо – если учесть, помимо всего прочего, что год был 1942-й и мой коммерческий расцвет миновал лет девять-десять тому. – Я почему спрашиваю, – сказала она. – Мой муж слушал эту программу, что бы ни случилось, каждую...

– Если вам интересно, – перебила ее по-дружка невесты, глядя на меня, – это была единственная программа в эфире, которую я всегда абсолютно терпеть не могла. Ненавижу скороспелых детей. Если у меня когда-нибудь родится ребенок, который...

Конец ее фразы нашего слуха не достиг. Прервал ее – внезапно и недвусмысленно – душе- и ушераздирающий, *фальшивейший* рев ми-бемоль, что мне только доводилось слышать. В машине мы подпрыгнули все – совершенно точно. Нас миновал отряд барабанщиков и горнистов: судя

по всему, сотня или больше лишенных музыкального слуха морских скаутов¹⁴. С едва ли не преступным самозабвением мальчишки только что принялись издеваться над «Звездами и полосами навсегда»¹⁵. Миссис Силзбёрн, что довольно разумно, зажала уши ладонями.

Целую, как нам показалось, вечность секунд грохот стоял почти неопиcуемый. Перекрыть его мог только голос подруги невесты – или, говоря вообще, только он и попытался бы. Когда же голос ее до нас долетел, казалось, будто зовет она – очевидно, надсаживаясь, – из какого-то дальнего далека, вероятно – от трибун стадиона «Янки»¹⁶.

– Я этого не вынесу! – говорила она. – Давайте выйдем и поищем, откуда можно *позвонить*! Мне нужно сказать Мюриэл, что мы задерживаемся! Она с ума сойдет!

С пришествием этого местного Конца Света мы с миссис Силзбёрн оба повернулись к нему, вперед. Теперь же развернулись на своих откидных сиденьях опять, дабы узреть Предводителя. И, быть может, нашу избавительницу.

– На Семьдесят девятой есть «Шраффтс»! – проревела та

---

¹⁴ *Морские скауты* – подразделение организации «Бойскауты Америки», объединяющее подростков, в подготовку которых дополнительно входит морское дело.

¹⁵ «Звезды и полосы навсегда» (1897) – марш американского композитора и дирижера Джона Филипа Сузы (1854–1932).

¹⁶ *Стадион «Янки»* – бейсбольный стадион в Южном Бронксе, база команды «Нью-Йоркские янки», открыт в 1923 г. От того перекрестка, где находятся наши герои, до него больше 6 км.

миссис Силзбёрн. – Пойдемте возьмем *содовой*, и я смогу *позвонить!* Там хоть кондиционер работает!

Миссис Силзбёрн энергично закивала и ртом беззвучно показала: «Да!»

– И вы тоже! – заорала мне подружка невесты.

С *весьма* причудливой непосредственностью я, помнит-ся, закричал ей совершенно неумеренное слово «Прекрасно!» (Нелегко – до сего дня – объяснить, зачем подружка невесты и меня пригласила покинуть судно. Возможно, ее довольно просто вдохновляла врожденная тяга предводителей к порядку. Быть может, ею руководил некий безотчетный, однако настоятельный позыв сохранить экспедицию в полном составе... Истолковать же мое необычайно стремительное согласие значительно проще. В некоторых дзэнских монастырях основное правило – если не единственная строго обязательная дисциплина, – когда один монах кричит другому «Бхо!», последний должен ответить ему «Бхо!», не задумываясь.)

После чего подружка невесты повернулась и впервые непосредственно обратилась к крохотному старичку. К моему неугасимому удовольствию, тот по-прежнему паялился прямо перед собой, как будто его личный пейзаж ничуть не переменялся. Незажженную настоящую «гавану» он по-прежнему сжимал двумя пальцами. Ввиду его явного невнимания к кошмарному грохоту проходившего мимо отряда горнистов и барабанщиков и, вероятно, исходя из мрачно-

го убеждения, что все старики, разменявшие девятый десяток, должны быть глухи как тетерева либо крайне туговаты на ухо, подружка невесты приблизила губы на дюйм-другой к его левому уху.

– Мы сейчас выйдем из машины! – за-орала она ему – почти в него. – Найдем, откуда *позвонить*, и, может, чего-нибудь выпьем! Пойдемте с нами?

Непосредственная реакция старика была сродни блистательной. Сначала он посмотрел на подружку невесты, затем оглядел всех нас, а после ухмыльнулся. Ухмылка его выглядела не менее великолепно от того, что была совершенно бессмысленна. И того, что все зубы старичка были очевидно, великолепно, трансцендентно вставными. Лишь мгновение он вопросительно вперялся в подружку невесты, и ухмылка его оставалась нетронута. Вернее, даже не вопросительно – с надеждой: словно бы он свято верил, что подружка невесты либо кто-то из нас строят славные планы вручить ему корзинку с провизией для пикника.

– Мне кажется, милая, он тебя не услышал! – закричал лейтенант.

Подружка невесты кивнула и вновь поднесла мегафон своих уст к уху старика. С поистине достойной похвалы громкостью она повторила приглашение покинуть вместе с нами автомобиль. И вновь, по всем видимым признакам, старичок готов был согласиться на любое предложение – в том числе, возможно, и сбегать окунуться в Ист-Ривер. Но и те-

перь оставалось тревожное ощущение, что он не услышал ни единого слова. Неожиданно старичок доказал, что так оно и есть. С широченной ухмылкой всем нам совокупно он поднял руку с сигарой и одним пальцем многозначительно постукал сперва себе по губам, а затем по уху. *Он* это изобразил таким манером, что жест мог относиться к некоей первостатейнейшей шутке, которую старичок хотел в полной мере довести до всеобщего сведения.

В тот миг миссис Силзбёрн рядом со мной подала зримый сигнал понимания – едва не подпрыгнула на месте. Она коснулась розовой атласной руки подружки невесты и закричала:

– Я знаю, кто это! Он глухой и немой – глухонемой! Это дядя отца Мюриэл!

Губы подружки невесты округлились междометием «Ох!». Она развернулась на сиденье к мужу.

– У тебя есть карандаш и бумага? – проревела она.

Я коснулся ее руки и закричал, что есть у *меня*. Торопливо – как будто время почему-то у всех нас заканчивалось, – из внутреннего кармана я извлек блокнотик и огрызок карандаша, которые не так давно реквизировал из ящика стола в дежурке суточного наряда моей роты.

Как-то чересчур уж разборчиво я написал на листке: «Надолго задерживает парад. Идем искать телефон и выпить холодного. Пойдемте?» Сложил листок пополам и передал подружке невесты, которая развернула, прочла и затем пе-

редала крохотному старичку. Тот прочел, ухмыляясь, перевел взгляд на меня и несколько раз неистово потряс головой вверх-вниз. На какой-то миг я подумал, что на этом его выразительный ответ и будет исчерпан, но старичок вдруг сделал жест, из которого я заключил, что он требует у меня блокнот и карандаш. Я повиновался – не глядя на подружку невесты, которая вся шла волнами жгучего нетерпения. Старичок с величайшим тщанием утвердил у себя на колене блокнот и карандаш, мгновенье посидел, нацелив карандаш и совершенно явно сосредотачиваясь, причем ухмылка его сократилась лишь на самую малость. Затем карандаш очень шатко задвигался. Появилась черточка над «т». После чего карандаш вместе с блокнотом были мне возвращены – с изумительно сердечным дополнительным кивком. Еще не вполне застывшими буквами старичок написал всего два слова: «С восторгом». Подружка невесты, прочтя это у меня через плечо, вроде как-то слабо фыркнула, но я быстро посмотрел на великого писателя и лицом своим постарался изобразить, что все собравшиеся в этой машине способны оценить поэзию по виду и ему благодарны.

Затем один за другим через обе двери мы выбрались из машины – оставили, так сказать, корабль посреди Мэдисон-авеню, в море горячего липкого макадама. Лейтенант чуть задержался, ставя шофера в известность о нашем мятеже. Как я очень хорошо помню, отряд барабанщиков и горнистов по-прежнему бесконечно тянулся мимо, и грохот ни-

сколько не умолкал.

Подружка невесты и миссис Силзбёрн повели всех к «Шраффтсу». Шли они парой – почти как скауты-разведчики – направленьем на юг по восточной стороне Мэдисон-авеню. Закончив брифинг водителя, лейтенант их догнал. Или почти догнал. Он чуть приотстал, дабы наедине с собой извлечь бумажник и понять, очевидно, сколько при нем наличности.

Дядя отца невесты и я замыкали ряды. Оттого ли, что он распознал во мне друга, или же просто оттого, что мне выпало владеть карандашом и блокнотом, но старичок даже не притянулся, а вскарабкался ко мне и занял позицию, пригодную для прямохождения. Верхушка его красивого шелкового цилиндра не вполне доставала мне до плеча. Я задал невеликий темп ходьбы – из уважения к длине старичковых ног. К концу квартала или около того мы отставали от прочих уже значительно. Вряд ли нас обоих это сильно тревожило. Время от времени, помню, шагая бок о бок, мы с моим другом поглядывали вверх и вниз соответственно и обменивались идиотскими гримасами наслаждения взаимным обществом.

Когда мы со спутником достигли возвращающихся дверей «Шраффтса» на Семьдесят девятой, подружка невесты, ее муж и миссис Силзбёрн уже стояли там несколько минут. В ожидании выглядели они, как мне поместилось, крайне грозной монолитной троицей. Они беседовали, но едва приблизилась наша разномастная парочка, смолкли. В машине, все-

го парой минут ранее, когда мимо с ревом шагал отряд горнистов и барабанщиков, общее неудобство, едва ли не общее горе придало нашей маленькой группе какое-то подобие союза – той разновидности, что временно сообщается туристам «Кука»¹⁷, которых грозовой ливень застиг в Помпеях. Теперь же, когда мы с крохотным старичком добрались до вращающейся двери «Шраффтса», стало совершенно ясно, что буря миновала. Мы с подружкой невесты обменялись взглядами узнавания – не приветствия.

– Закрото на переделку, – холодно констатировала она, глядя на меня. Неофициально, однако безошибочно она выбрала меня третьим лишним, и в тот миг – в причины вдаваться мне хочется не особо – меня ошеломило собственной отдельностью и сиротливостью гораздо сильнее, чем прежде. Примерно одновременно с этим, следует отметить, оживился и мой кашель. Из заднего кармана я вытянул носовой платок. Подружка невесты повернулась к миссис Силзбёрн и своему супругу.

– Тут *где-то* есть «Лоншам»¹⁸, – сказала она, – только я не знаю где.

– Я тоже, – ответила миссис Силзбёрн. Казалось, она готова расплакаться. И лоб ее, и верхняя губа покрылись ис-

---

¹⁷ «Томас Кук и сын» – английская туристическая фирма, основана в 1841 г.

¹⁸ «Лоншам» – ныне не существующая сеть ресторанов преимущественно в центре Нью-Йорка, очень популярная среди т. н. «обедающих дам» во время и после Второй мировой войны.

париной, сочившейся, очевидно, даже сквозь толстый слой грима. Под левой рукой она держала черную сумочку из лакированной кожи. Держала, как любимую куклу, а сама при этом выглядела нарумяненной и напудренной в экспериментальном порядке, однако до крайности несчастной девочкой, сбежавшей из дому.

– Нам не найти здесь такси ни за какие коврижки, – песимистично изрек лейтенант. Выглядел он тоже неважнецки. Его фуражка «небесного фигуриста» смотрелась только что не жестоко неуместной над бледной, потной, глубоко небес-трепетной на вид физиономией, и, помню, меня так и подмывало сдернуть ее или же хоть как-то поправить, чтоб не торчала уж чересчур набекрень, – тот же соблазн, что, из общих соображений, может посетить на детском утреннике, где неизменно бывает какой-нибудь маленький, до крайности невзрачный ребенок в бумажном колпаке, то и дело съезжающем на одно, а то и на оба уха.

– Господи, ну и денек! – за всех нас выразилась подружка невесты. Ее ободок искусственных цветов сбился, и она совершенно взмокла, однако самым поистине уязвимым в ней по-прежнему оставался лишь этот отдаленнейший, так сказать, отросток – ее букет гардений. Она по-прежнему, хоть и рассеянно, держала его в руке. Он, очевидно, не пережил надругательств. – *Что будем делать?* – спросила она с нехарактерным для нее пылом. – *Пешком* мы туда не дойдем. Они

живут практически в Ривердэйле¹⁹. У кого-нибудь есть блестящие мысли? – Сначала она посмотрела на миссис Силзбёрн, затем на мужа, и только потом – вероятно, в отчаянье – на меня.

– У меня квартира тут недалеко, – неожиданно и нервно ответил я. – Вот в этом же квартале вообще-то. – У меня до сих пор такое чувство, что информацию эту я предоставил громковато. Вполне возможно, прокричал. – Это наша с братом квартира. Пока мы в армии, там живет моя сестра, но сейчас ее нет. Она служит в «Волнах» и уехала в какую-то командировку. – Я посмотрел на подружку невесты – или в некую точку у нее над головой. – Вы по крайней мере можете оттуда позвонить, если желаете, – сказал я. – Кроме того, в квартире есть кондиционер. Можно там остыть минутку и передохнуть.

Когда первый шок подобного приглашения сгладился, подружка невесты, миссис Силзбёрн и лейтенант устроили сощелкивание – одними глазами, но, судя по виду, решения ожидать не приходилось. Первой зашевелилась подружка невесты. Сначала посмотрела – вотще – на двух остальных, рассчитывая на какое-то мнение по данному вопросу. Затем повернулась ко мне:

– Так, говорите, у вас есть телефон?

– Да. Если только моя сестра его вдруг не сняла, а я не

---

¹⁹ *Ривердэйл* – жилой район на северо-западе Бронкса. От 79-й улицы до него ок. 15 км.

знаю, зачем бы ей это понадобилось.

– Откуда нам знать, не окажется ли там вашего *брата*? – осведомилась подружка невесты.

Это крохотное соображение мне в перегретую голову не пришло.

– Вряд ли, – ответил я. – Он *может*, конечно, – это и его квартира, – но, по-моему, вряд ли. Правда.

Подружка невесты на миг воззрилась на меня в упор – и даже не вполне грубо для разнообразия, если не считать грубыми детские взгляды. Затем снова повернулась к мужу и миссис Силзбёрн и сказала:

– Можем попробовать. По крайней мере, сумеем позволить. – Те согласованно кивнули. Миссис Силзбёрн дошла даже до того, что вспомнила о манерах, потребных при получении приглашений перед входом в «Шраффтс». Сквозь пропеченную солнцем штукатурку с ее лица ко мне пробились подобие улыбки Эмили Пост²⁰. Насколько помнится, улыбка эта мне была очень кстати. – Тогда пойдемте же с этого *солнцепека*, – распорядился наш предводитель. – А с *этим* мне что делать? – Ответа она решила не дожидаться. Подошла к обочине и без сожалений отцепилась от увядшего букета гардений. – Ладно, веди, Макдуф²¹, – сказала она мне. –

---

²⁰ Эмили Прайс Пост (1873–1960) – американская писательница и журналистка; своего рода законодательница мод в области этикета.

²¹ Ложная цитата из трагедии У. Шекспира «Макбет» (акт V, сцена 8): «Смелей, Макдуф, не трусь!» (пер. М. Лозинского).

Мы пойдем за вами. И я могу сказать только одно: лучше, если его там *не* окажется, или я этого мерзавца убью. – Она посмотрела на миссис Силзбёрн. – Прошу прощения – но я серьезно.

Как было велено, я двинулся первым, почти счастливый. Мгновенье спустя в воздухе подле меня материализовался шелковый цилиндр – значительно ниже и левее, и мой особый, лишь номинально не приданный мне спутник ухмыльнулся снизу вверх; на краткий миг я подумал, что он сунет ладошку мне в руку.

Трое гостей и мой единственный друг оставались в коридоре, пока я быстро осматривал квартиру.

Все окна были закрыты, два кондиционера поставлены на «выкл.», и первый вдох я сделал как в кармане чьей-то старой енотовой шубы. Во всей квартире как-то тряско урчал только престарелый холодильник, который мы с Симором купили с рук. Моя сестра Тяпа по-своему – по-девчачьи, по-военно-морскому – выключать его не стала. Больше того, по всей квартире нынче без счета наблюдались мелкие неряшливые признаки того, что здесь теперь правит морячка. На диване подкладкой вниз валялся симпатичный темно-синий китель энсина. На кофейном столике перед диваном стояла открытая коробка конфет «Луи Шерри» – полупустая, а несъеденные конфеты, по всему видно, плющили, чтобы разведать начинку. На письменном столе – рамка с фотографией весьма дерзновенного на вид молодого человека: его я

раньше не видел. Все же пепельницы, куда ни падал глаз, распускались пышным цветом мятых косметических салфеток и сигаретных окурков, испачканных губной помадой. Я не стал заходить ни в кухню, ни в спальню, ни в ванную – только открыл двери и посмотрел, не таится ли где Симор. Во-первых, у меня как-то не было сил, и я ленился. Во-вторых, я довольно-таки плотно занялся подъемом жалюзи, включением кондиционеров и опустошением пепельниц. Кроме того, меня почти тут же приступом взяли остальные бойцы нашего отряда.

– На улице прохладнее, – сказала по-дружка невесты вместо приветствия, заходя в квартиру.

– Я сейчас буду с вами, – ответил я. – По-моему, у меня этот кондиционер не работает. – Кнопку «вкл.», похоже, заело, и я деловито в нее тыкал.

Пока я разбирался с выключателем – не сняв, насколько я помню, даже фуражки, – остальные с немалым подозрением перемещались по комнате. Краем глаза я за ними наблюдал. Лейтенант подошел к письменному столу и теперь стоял, уставившись на три-четыре квадратных фута стены прямо над ним, куда мы с братом по причинам подчеркнуто сентиментальным прикрепили сколько-то глянцевых фотографий восемь на десять. Миссис Силзбёрн села – неизбежно, как мне показалось, – в единственное в комнате кресло, где раньше любил спать мой покойный бостонский терьер; подлокотники, обитые грязным рубчатым плисом, бы-

ли тщательно облизывались и пожеваны в многочисленных собачьих кошмарах. Дядя отца невесты – мой большой друг – как-то исчез совсем. Подружка невесты тоже вдруг куда-то подевалась.

– Через секундочку я принесу вам чего-нибудь выпить, – тягостно вымолвил я, по-прежнему стараясь принудить кондиционер к работе.

– Мне бы не повредило что-нибудь холодное, – раздался очень знакомый голос. Я развернулся всем корпусом и увидел, что подружка растянулась на диване, чем и объяснялось ее заметное исчезновение по вертикали. – Я сейчас возьму ваш телефон, – сообщила она. – Мне все равно трудно рот открывать в таком состоянии, у меня там все пересохло. *Язык* совершенно высох.

Кондиционер неожиданно включился и зажужжал, и я вышел на середину комнаты – между диваном и креслом, где сидела миссис Силзбёрн.

– Не знаю, что тут есть выпить, – сказал я. – В холодильник я пока не заглядывал, но могу себе представить...

– Несите что *угодно*, – перебила меня с дивана наша вечная вития. – Только чтобы мокрое. И *холодное*. – Ее каблук поскользнулся на рукаве кителя. Руки были сложены на груди. Под голову подпихнута подушка. – Положите льда, если есть, – сказала она и закрыла глаза. Краткое, но смертоносное мгновение я смотрел на нее сверху вниз, затем нагнулся и как можно деликатнее выпростал из-под ее ног Тяпин ки-

тель. Едва я направился прочь из комнаты, дабы приступить к своим хозяйским обязанностям, как от стола ко мне обратился лейтенант.

– Откуда у вас все эти снимки? – спросил он.

Я тотчас подошел к нему. Огромной своей фуражки я так и не снял. Мне в голову не пришло ее снимать. Я встал у стола рядом, однако чуточку позади лейтенанта и задрал голову к фотографиям на стене. Сказал, что это, по большей части, старые снимки детей, которые участвовали в программе «Что за мудрое дитя» в те дни, когда мы были там с Симором.

Лейтенант повернулся ко мне.

– А что это? – спросил он. – Я никогда ее не слышал. Такая детская викторина? Вопросы-ответы? – В голос его безошибочно вкрался *sourçon*²² армейского чина – нешумный, однако ползучий. Кроме того, лейтенант вроде бы смотрел на мою фуражку.

Я снял ее и сказал:

– Да не вполне. – Во мне вдруг проснулась толика мелкой фамильной гордости. – Так *было*, пока там не появился мой брат Симор. И снова более-менее вернулось на круги своя, когда он ушел из программы. Но он поменял весь жанр. Он превратил программу в такой детский «круглый стол».

Лейтенант на меня посмотрел, как мне показалось, с несколько преувеличенным интересом.

---

²² Подозрение (*фр.*).

– Вы тоже там выступали? – спросил он.

– Да.

Через всю комнату, из незримых пыльных глубин дивана подала голос подружка невесты.

– Посмотрела бы я, как *мой* ребенок выступает в такой дурацкой программе, – сказала она. – Или на *сцене* играет. Что-нибудь эдакое. Только через мой труп он станет выставлать себя перед публикой. Это же им всю жизнь ломает. Да одна *публичность* и прочее – спросите любого психиатра. В смысле, у них тогда будет нормальное *детство*, я вас спрашиваю? – Голова ее, увенчанная перекосившимся теперь цветочным ободком, вдруг появилась в поле зрения. Словно лишенная тела, она примостилась на подиуме диванной спинки лицом к нам с лейтенантом. – Вот в чем, наверное, беда с этим вашим братом, – сказала Голова. – В смысле, если у вас в детстве жизнь сплошь цирковых уродцев, неудивительно, что вы так и не учитесь взрослеть. Соотноситься с нормальными людьми или как-то. Миссис Феддер о том и говорила в спальне этой дурацкой пару часов назад. Вот так вот и говорила. Ваш брат так и не научился ни с кем соотноситься. Он, очевидно, только и умеет так, что людям потом швы на лицо накладывают. Вообще не приспособлен ни для брака, ни для какого хоть капельку нормального существования, а? Вот ровно об этом миссис Феддер и говорила. – Затем Голова чуть повернулась и вперилась в лейтенанта. – Я разве не права, Боб? Она же так говорила или не говорила? По прав-

де скажи.

Но следующим заговорил не лейтенант, а я. Во рту у меня пересохло, в паху повлажнело. Я сказал, что мне наплевать, в бога душу, с высокой колокольни на то, что о Симоре имела сказать миссис Феддер. Или, говоря вообще, любая другая профессиональная дилетантка или стерва-любительница. Сказал, что на Симора с десяти лет нападали все дипломированные Любомудры *summa-cum-laude*²³

---

²³ С отличием (*лат.*).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.